

УДК821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-70

Серия «Все в одном томе»

George Orwell
BURMESE DAYS
A CLERGYMAN'S DAUGHTER
KEEP THE ASPIDISTRA FLYING
COMING UP FOR AIR
ANIMAL FARM
1984

Перевод с английского

Серийное оформление *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Estate of the late Sonia Brownell Orwell
и литературных агентств A M Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

Оруэлл, Джордж.

О-70 Все романы в одном томе : [сборник] / Джордж Оруэлл ;
[пер. с англ.]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 1120 с. —
(Все в одном томе).

ISBN 978-5-17-105094-8

В этот сборник включены ВСЕ романы Оруэлла.

«Дни в Бирме» — жесткое и насмешливое произведение о «белых колонизаторах» Востока, единых в чувстве превосходства над аборигенами, но разобщенных внутренне, измученных снобизмом и мелкими распрями. «Дочь священника» — увлекательная история о том, как простая случайность может изменить жизнь до неузнаваемости, превращая глубоко искреннюю Веру в простую привычку. «Да здравствует фикус!» и «Глотнуть воздуха» — очень разные, но равно остроумные романы, обыгрывающие тему столкновения яркой личности и убого-мещанских представлений о счастье. И, конечно же, непревзойденные «1984» и «Скотный двор».

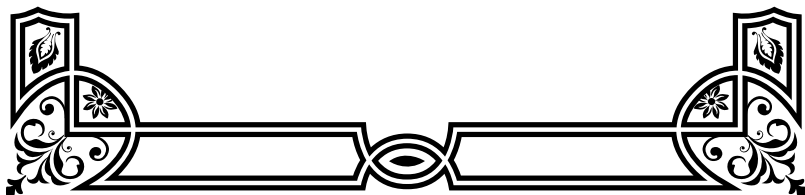
УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© George Orwell, 1934,1935,1936,1939,1945,1949
© Перевод. В.П. Гольшев, 2019
© Перевод. В.М. Домитеева, 2019
© Перевод. К.Д. Макиннес, 2019
© Перевод. С.Э. Таск, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-105094-8

ДНИ
В БИРМЕ

В пустынных сумрачных лесах
Под сенью ветвей задумчивых.

Шекспир.
Как вам это понравится

1

У По Кин, старший судья Кьяктады, Верхняя Бирма*, сидел на веранде. Было лишь полдевятого утра, но утро было апрельским, и наплывавшая жара уже грозила зноем томительных дневных часов. Редкие вздохи ветерка, казавшегося в духоте даже прохладным, покачивали гроздья свисающих с карниза еще росистых орхидей. За орхидеями виднелся пыльный кривой ствол пальмы, а далее — синее ослепительное небо. В нестерпимо режущей глаз солнечной вышине кружила стая едва различимых парящих грифов.

Застыв громадным фарфоровым божком, У По Кин пристально, не мигая, глядел на солнце. Немолодой и такой грузный, что уж давно не мог самостоятельно вставать со стула, он, однако, выглядел вполне ладным, даже красивым в своей тучности — у бирманцев плоть с возрастом не оплывает буграми складок, как у белых, а гладко наливается, подобно спелым плодам. Все его одеяние состояло из обычного в местном быту клетчатого изумрудно-малинового аракнезского лонджи**;

в пол упирались босые пухлые ступни очень кривых коротких ног с пальцами одинаковой длины. Голова была наголо обрита, глаза на широком, без еди-

---

* Территория в бассейне верхнего течения главной бирманской реки Иравади; наименее заселенный район лесных джунглей. Действие романа происходит в 1920-е годы, когда Бирма была окраинной провинцией Британской Индии. Таким образом, «Верхняя Бирма» означает «самая глушь индийской колониальной глухомани».

** Лонджи (*лоунджи*) — популярный в странах Юго-Восточной Азии вид как мужской, так и женской одежды, представляющий собой сшитое цилиндром и надетое на голое тело тканое полотнище, верхний край которого завязывают особым узлом у подмышек или на талии. Родиной считается Аракан, некогда самостоятельное государство, а ныне область на юго-западе Бирмы (Мьянмы).

ной морщины лице темнели рыжим янтарем. Угощаясь листьями из стоявшего на столе лакированного ларчика, У По Кин жевал бетель и думал о прожитых годах.

Жизнь сложилась блестяще. Самое раннее воспоминание хранило чувства голопузого малыша, видевшего в 1880-х победный марш британцев на Мандалай*. Помнился ужас от колонн красных мундиров краснолицых гигантов, пожирателей коров, помнились длинные винтовки за их спинами и мерный грохот их башмаков. Заставивший удрать подальше детский страх вмиг почувал безнадежность состязания между своим народом и племенем этих великанов. С тех самых пор определилась цель — примкнуть, пивкой присосаться к могучим чужакам.

В семнадцать лет он попытался найти место подле администрации новых властей, но безродному оборванцу это не удалось, и три года пришлось шнырять по закоулкам мандалайских базаров, прислуживая, а иногда и воруя. В двадцать ему повезло — добыв удачным шантажом четыре сотни рупий, он тотчас поехал в Рангун, в столицу, где за взятку купил себе официальную должность.

Местечко, несмотря на мизерное жалованье, оказалось довольно теплым. В те времена банде чиновников шла постоянная нажива от расхищения имперских торговых складов, и По Кин (тогда еще просто По Кин, почтительное «У» добавилось гораздо позже), естественно, занялся тем же. Впрочем, не по его талантам было скромно таскать гроши да крохи. Однажды власти вознамерились расширить младший начальственный состав введением туда туземных служащих; приказ только готовился, но даровитый По Кин умел, в частности, все пронюхать неделей раньше остальных. И он не упустил свой шанс — донес на сослуживцев прежде, чем те почували опасность. Большинство вороватой чиновной мелюзги отправилось за решетку, а честного По Кина наградили местом помощника квартального инспектора. С тех пор он регулярно получал повышения. Будучи ныне, в свои пятьдесят шесть, судьей округа, он вскоре мог, пожалуй, занять высокий пост представителя комиссара, то есть добиться положения наравне с англичанами и даже выше многих из них.

Судейская система У По Кина была проста. Ни за какие дары он не стал бы выносить незаконный приговор, ибо знал — рано

---

* Мандалай — город в Центральной Бирме, порт на реке Иравади.

или поздно продажный судья попадетсЯ. Его мудрый, надежный метод состоял в том, чтобы, приняв взятки обеих спорящих сторон, решать дело строжайше по закону. Это, кстати, весьма укрепляло служебную репутацию. А в части доходов, помимо взяток от клиентов, он учредил некую твердую личную дань с подведомственных деревень; неплательщики карались нашествием бандитских шаек, либо арестами старейшин по сфабрикованным обвинениям, либо иными бедами, которые кончались лишь при полном расчете. Судье также выплачивалась доля от грабежей в его районе. И все это, конечно, было известно всем (кроме тупо уверенного в подчиненных британского начальства), но попытки разоблачения терпели крах, так как любого обвинителя У По Кин с легкостью позорил толпой подкупленных свидетелей, потоком встречных обвинений и в итоге набирал еще больший вес. Фактически он был неуязвим: во-первых, отличался безупречным судейством, а во-вторых, тонко ведя свои интриги, не допускал тут ни ошибок, ни небрежности. Будущее его рисовалось ясно — и далее от успеха к успеху вплоть до пышнейших похорон почтеннейшего богача.

И даже смерть не остановит этот счастливый путь. Буддисты верят, что творивший зло человек при следующем рождении явится жабой, крысой или иной мерзкой тварью, а У По Кин был истовым буддистом, но он намеревался предотвратить эту грозящую опасность. Конец жизни он посвятит свершению праведных деяний, сумма которых перевесит бремя грехов. К заслугам добродетели относится, например, возведение пагод. Что ж, он построит четыре пагоды, и пять, и шесть, и семь (монахи скажут, сколько надо!), выстроит пагоды с ажурной каменной резьбой, золочеными круглыми крышами, с множеством звенящих на ветру, поющих каждый свою хвалу небу колокольчиков. И возродится человеком — не женщиной, что означало бы разряд, подобный крысам и лягушкам, — а именно мужчиной или уж в крайнем случае мощным и величавым слоном.

Мысли текли в сознании У По Кина преимущественно цепочкой картинок; мозг его, хоть и хитроумный, был все же варварским, не слишком склонным к абстрактному мышлению. Но вот сюжеты данной темы истожились. Уперев толстые кульки рук в подлокотники, У По Кин слегка повернулся и крикнул, вернее, присипел:

— Ба Тайк! Эй, Ба Тайк!

Из-за бисерной шторы мигом возник слуга — малорослый рябой человечек, забитый и явно недокормленный (осужденному воришке под постоянной угрозой одним словом отправить его в тюрьму хозяин не платил ни гроша). Двигался Ба Тайк крадучись, кланяясь так низко, что приближение его виделось робким отступлением.

— Слушаю, наисвятейший.

— Есть кто-нибудь ко мне?

Ба Тайк по пальцам перечислил посетителей:

— Там, ваша честь, деревенский староста из Титпингаи — принес подарки, и двое избитых деревенских жаловаться пришли, тоже с подарками. Еще вас желает видеть Ко Ба Сейн*, старший клерк из Управления. Потом еще констебль Али Шах и бандит, как зовут, не знаю, — ссора вроде бы из-за браслетов, которые они вместе украли. Девчонка еще деревенская с младенцем.

— Ей чего?

— Говорит, младенец от вас, наисвятейший.

— А-а! Сколько принес староста?

Ба Тайк доложил, что всего лишь десять рупий и корзину манго.

— Скажи старосте, — распорядился У По Кин, — с него положено двадцать рупий, плохо будет ему и всей деревне, если завтра же денег не принесет. Теперь приму других. Позови ко мне Ко Ба Сейна.

Тотчас явился Ба Сейн, узкоплечий, очень высокий для бирманца, со светло-кофейным, удивительно неподвижным лицом. У По Кин считал его весьма полезным, ведь от этой прилежной, начисто лишённой воображения деревяшки мистер Макгрегор, представитель комиссара в Управлении, не скрывал ничего. После мысленной ревизии своих успехов У По Кин встретил гостя благодушно, любезно махнув ладонью на ларчик с бетелем.

— Ну, уважаемый Ба Сейн, что ж наше дело? Надеюсь, как сказал бы дорогой наш мистер Макгрегор, — тут судья перешел на английский, — «некоторый, м-м, прогресс, м-м, наблюдается»?

---

* Предшествующая бирманскому имени добавка «Ко» указывает некое старшинство или выражает достаточную степень уважения; употребляется в обращении к офицерам, чиновникам, старшим родственникам и т.п.

Не улыбнувшись шуточке, торчащий сухой жердью на стуле для посетителей Ба Сейн ответил:

— Прекрасно, сэр. Утром получено, взгляните.

Он протянул экземпляр двуязычной газеты «Сыны Бирмы», скверно отпечатанного на шершавой, едва ли не оберточной бумаге восьмистраничного листка, сляпанного из новостей столичного «Рангунского вестника» и всякой высокопарной чуши местных националистов. На последней странице шрифт смазался траурной пеленой, будто в знак скорби о непопулярности издания. Статья, интересующая У По Кина, гласила:

«В эру счастья, когда нас, жалких темнокожих, озарил свет великой западной культуры, подарившей кино, винтовки, пулеметы, сифилис и другие неисчислимыя блага, что может воодушевить сильнее, нежели сама жизнь наших белых благодетелей? Читателю, несомненно, будут любопытны кое-какие сценки на просторах родной Кьяктады. Особенно если героем их предстанет наш глава, представитель комиссара, досточтимый мистер Макгрегор.

Благороднейший мистер Макгрегор являет собой тот тип Истинного Джентльмена, образчики коего ныне столь часто радуют наш взор. Он, по выражению дражайших европейских братьев, «опора семьи и общества». О да, мистер Макгрегор чрезвычайно предан семейным ценностям! Настолько, что за год успел обзавестись в Кьяктаде тремя детишками, а на предыдущем месте службы, в округе Шуэмо, породил шестерых потомков. Видимо, лишь рассеянностью мистера Макгрегора объясняется то, что своих чад с их матерями он оставил без какой-либо помощи, предоставив им хиреть и голодать, и...»

Текст, занимавший целый столбец и выделенный особым набором, при всей гнусности содержания, своим стилем заметно превосходил уровень прочих материалов. Вытянув руку с газетой (он страдал дальновзоркостью), У По Кин сосредоточенно читал, рот его приоткрылся, демонстрируя массу великолепных мелких зубов, залитых алым соком бетеля.

— Редактора посадят на шесть месяцев, — заключил он.

— Ему нипочем. Только, говорит, в тюрьме и отдохнешь от кредиторов.

— Но неужели ваш писарь Хла Пи сам сочинил эту статью? Дельный парнишка! Зря болтают, что от правительствен-

ных школ никакого толка. Да, быть Хла Пи большим начальником!

— Вы думаете, сэр, статьи будет достаточно?

У По Кин молчал. Натужное пыхтение дало знать о его желании подняться. Немедленно скользнувший из-за шторы Ба Тайк и гость помогли ему встать. Кольхнувшись, уравновесив глыбу живота, словно грузчик корзину с рыбой, хозяин взмахом руки отослал слугу.

— Нет, — наконец ответил он Ба Сейну. — Ни в коей мере не достаточно. Но для начала годится. Слушайте.

У По Кин через перила сплюнул жвачку, заложил руки за спину и начал мелкими шажками, переваливая необъятные бедра, прохаживаться по веранде. Говорил он на жаргоне туземных служащих, уснащая английские обороты бирманскими словечками.

— Итак, повторим. Мы хотим свалить суперинтенданта Верасвами, доктора, что заведует тюрьмой. Хотим прижать его, замазать грязью и прихлопнуть. Дело довольно тонкое.

— Да, сэр.

— Риска не будет, если осторожно. Противник наш не писарь или надзиратель. У нашего противника высокий чин, а человек с высоким чином, пусть даже он индус, это не мелкий клерк. С тем как? Обвинение, пара дюжин свидетелей, увольнение и под арест. Здесь так просто не выйдет, здесь моя тактика — тихо-тихо, тихо-тихо. Без шума и, главное, без официальных разбирательств, где всегда есть какой-нибудь шанс оправдаться. И все-таки необходимо за три месяца вбить в головы европейцев, что Верасвами хуже всякого бандита. Чем его зацепить? Взятками не получится, он не берет. Тогда чем?

— Можно бы устроить тюремный бунт, — сказал Ба Сейн. — Доктор — начальник, ему придется отвечать.

— Слишком опасно! Сторожа начнут палить из ружей во всех и каждого, это мне ни к чему. Да и дороговато. И потом ясно же, какое преступление нужно изобличить — предательство, тайную пропаганду. Мы должны убедить белых в мятежных, антибританских кознях доктора. Это для них страшнее взяток; к туземным хапугам они привыкли. Вот хоть на миг заставь их заподозрить его в измене, и с ним покончено.

— А как докажешь? — возразил Ба Сейн. — Доктор ведь прямо обожает белых; всегда так сердится, если кто скажет против них. Разве ж они поверят?

— Бросьте, бросьте! — лениво отмахнулся У По Кин. — В таких случаях им плевать на аргументы. Насчет всяких там темнокожих сомнение для них уже есть доказательство. Ручеек анонимных писем сработает великолепно. Нужно лишь упорство: пиши донос, еще пиши, опять пиши — лучшее средство с европейцами. Письмишко за письмишком всем здешним белым, а едва шевельнется их подозрительность... — Выпростав из-за спины жирную руку, У По Кин щелкнул пальцами. — Наша статейка в «Сынах Бирмы» их разъярит. Отлично! Далее внушим им, что автор — доктор.

— Не очень-то внушишь, когда у него столько белых друзей. Они, как заболеют, сразу к нему. И мистеру Макгрегору он тоже флюс вылечил. Уважают они его.

— Ах, почтенный Ба Сейн, не знаете вы их натуру! Если они и ходят к Верасвами, так потому, что других лекарей здесь нет. Никакой европеец никакому азиату не доверяет. Проблема одна — анонимки в достаточном количестве. И не останется у доктора этих приятелей, я позабочусь.

— А мистер Флори, что торгует лесом? — выговаривал Ба Сейн «мистер Порли». — Он ему верный. Как живет в Кьяктаде, утром всегда заходит к доктору, я вижу. Он даже два раза звал доктора к себе в гости.

— О-о, тут вы правы. Тут серьезная помеха; до индийца не добраться, пока он в дружбе с белым. У индийца тогда этот — как его? словечко-то их любимое? — «престиж»! Но Флори быстро покинет друга, лишь на того свалятся неприятности; люди его народа не хранят верности туземцам. Притом мне довелось узнать, что Флори трус. Его я беру на себя. А ваше дело, уважаемый Ба Сейн, следить и следить за Макгрегором. Писал он еще комиссару секретной почтой?

— Пару дней назад была депеша, мы ее распечатали над паром, но там ничего важного.

— Ну-ну, скоро подкинем кое-что важное. И как раз подоспел другая штука, о которой я уже говорил вам. Сделаем, — как это Макгрегор шутит? — «собьем двух пташек одним камушком». Целую стаю пташек, кха-ха-ха!

Смех выразился мерзким харкающим клочкотанием, однако прозвучал весело, даже по-детски невинно. О «другой штуке», слишком тайной для обсуждений на веранде, У По Кин говорить не стал. Видя, что беседа закончена, Ба Сейн встал и поклонился, как складной метр.

— Еще какие-нибудь пожелания, ваша честь?

— Присмотрите, чтобы газета непременно попала к Макгрегору. И скажите Хла Пи, пусть заболит, скажем, дизентерией, — сидит дома. Он мне понадобится анонимки сочинять. Пока все.

— Можно идти, сэр?

— Идите, храни вас небо, — рассеянно кивнул судья и снова вызвал слугу.

У По Кин попусту не тратил ни минуты. В быстром темпе разделался с остальными визитерами и выставил родившую деревенскую девчонку, которой хладнокровно заявил, что знать ее не знает. Тем временем настал час завтрака. Точнейшим образом соблюдавшее расписание брюхо свело острыми спазмами. У По Кин нервно закричал:

— Ба Тайк! Эй, ты! Кин-Кин! Еду мне! Есть хочу!

За шторой, в парадной гостиной, уже был накрыт стол: громадная миска риса и дюжина тарелок с карри, сушеными креветками, ломтями зеленых манго. Вперевалку добравшись до стола, У По Кин сел и, хрюкнув, накинулся на еду. Его жена Ма Кин — худенькая, лет сорока пяти, с кротким смугленьким обезьяньим личиком, — стояла сзади и прислуживала. Чавкающий супруг не обращал на нее никакого внимания. Зарывшись носом в гору риса, он пыхтел, пальцами жадно пихал в рот угощение. У По Кин поглощал пищу в таких чудовищных объемах, так алчно и страстно, что трапезы его скорее походили на оргии, рисово-каррийное распутство. Наевшись, он отдышался, сытно рыгнул разок-другой и велел жене принести зеленую бирманскую сигару: английского табака, по его мнению, безвкусного, он не признавал.

Затем, облачившись при помощи Ба Тайка в официальный наряд, судья полюбовался собой перед высоким зеркалом гостиной. Гостиная, с деревянными стенами и двумя подпирающими крышу колоннами (вернее, просто стволами тиковых деревьев), была, как все бирманские жилища, неряшливой и темной, хотя хозяин постарался обустроить ее «по англичанской моде», для чего украсил буфетом, стульями, печатными портретами британской королевской семьи и огнетушителем. Пол устлала циновки, густо заляпанные соком лимона и бетеля.

Ма Кин уселась с шитьем на полу, а У По Кин топтался перед зеркалом, пытаясь обозреть себя сзади. Его роскошный наряд

составляли шелковый бледно-розовый гаунбаун*, крахмально-го муслина эйнджи** и парчовый пасо*** с радужным оранжево-желтым переливом. Еле-еле повернув голову, судьбе удалось все-таки разглядеть блеск на своих туго обтянутых парчой огромных ягодицах. Тучностью У По Кин гордился как несомненным символом величия: нищий худышка сделался жирным, грозным богачом. В сознании у него даже возник некий почти поэтический образ: пышное его тело разбухало, вбирая плоть поверженных врагов.

— Мой новый пасо стоил двадцать две рупии, а, Кин-Кин? — улыбнулся он.

Согнутая в углу над шитьем Ма Кин была женщиной простой, старомодной, так и не освоившей неудобные европейские стулья. Каждое утро она сама ходила за провизией, неся корзину по-крестьянски на голове, а вечерами молилась где-нибудь в саду, встав на колени и обратив лицо к шпилью венчавшей город пагоды. Уже более двадцати лет ей поверялись все тайные козни супруга.

— Ко По Кин, — вздохнула она, — ты сделал в жизни много зла.

У По Кин отмахнулся:

— Ну и что? Пагоды построю, искуплю, еще успеется.

Ма Кин вновь опустила голову к шитью, с тем неуступчивым видом, каким обычно выражалось ее неодобрение.

— Но зачем опять что-то замышлять? Я слышала — у вас с Ба Сейном какие-то ловушки для индийского доктора. Чем он мешает вам? Он добрый человек.

— Что ты, женщина, понимаешь в серьезных делах? Верасвами мне поперек дороги. Во-первых, взяток не берет и этим всем нам вредит, а кроме того... Ладно, с твоим умишком не осилить.

— Ох, Ко По Кин, ты стал очень богатым, очень важным, но что хорошего тебе прибавилось? В бедности у нас было больше радости. Помнишь, когда ты служил простым надзирателем и мы купили свой первый дом? Как мы гордились новой плетеной ме-

---

* Га у н б а у н — более парадный, чем обычный плотно повязанный платок, мужской головной убор, состоящий из косынки, накрученной на плотную шлемовидную шапочку-основу.

** Э й н д ж и — верхняя одежда типа распашной рубашки или легкой куртки на кнопках.

*** П а с о (пасхоу) — парадная мужская юбка бирманцев.